

Знаменитые люди, побывавшие на территории нашего края

*Дайджест
Выпуск 2*

ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ

*Для учащихся 7-9-х классов и
руководителей детским чтением*

ББК 63.3(2Рос-4Вог)

372

Составитель:
Т. И. Белякова

Редактор:
И. А. Знаменьщикова

Компьютерная верстка:
Е. М. Соколова

Ответственный за выпуск:
Н. В. Ретунская

Знаменитые люди, побывавшие на территории нашего края. Писатели и поэты. Вып. 2: дайджест для учащихся 7-9-х классов и руководителей детским чтением / Волгоградская областная детская библиотека; сост. Т. И. Белякова; ред. И. А. Знаменьщикова; отв. за вып. Н. В. Ретунская. – Волгоград, 2017. – 32 с.

ББК 63.3(2Рос-4Вог)

Рекомендовано к печати редакционным советом Волгоградской
областной детской библиотеки

© Волгоградская ОДБ, 2017

В наш город в разное время приезжали известные писатели и поэты. Есть сведения, что, путешествуя по России, в Царицыне побывал **Александр Дюма-отец**. Популярность французского писателя в России была феноменальна. Его произведения стали переводиться на русский язык с 30-х годов XIX века – с тех пор у нас в стране сменилось не одно поколение его восторженных читателей и почитателей. Произведения А. Дюма-отца переводил В. Г. Белинский, с его творчеством был знаком А. И. Герцен, не говоря уже о том, что в подлиннике им зачитывалось всё русское дворянское сословие.

Любовь Дюма к России не осталась безответной, французский писатель живо интересовался нашей страной, её историей и литературой и при первой возможности совершил путешествие по России. Он прибыл в Петербург в июне 1858 года и до февраля 1859 года проехал Российскую империю с севера на юг, регулярно отсылая в Париж свои путевые заметки. Позднее они составили 7 томов его сочинений, включающих книги «В России» и «Кавказ». Книга «Кавказ» в сокращённом виде была издана в 1861 году в Тифлисе. Книга «В России» на русском языке не выходила вплоть до наших дней. И лишь в 1993 году был выпущен 3-х томник А. Дюма, куда вошли и его путевые впечатления о России.

Из Петербурга писатель отправился в Москву, а затем в Нижний Новгород, в Казань, в Астрахань и Тифлис. В Казани Дюма провёл неделю, в других волжских городах – Симбирске и Самаре – он останавливался ненадолго. В Саратове в его честь был дан обед, на который с подарками явились высокопоставленные люди города и полицеймейстер. Дюма посетил модный магазин Саратова, хозяйкой которого была его соотечественница мадам Сервье.

Далее путь писателя лежал в Камышин, здесь он сошёл с парохода и отправился на озёра Эльтон и Баскунчак, где ознакомился с жизнью и бытом восточных народов: казахов и калмыков.

Затем на пароме Дюма переправился через реку Ахтубу, которая представляла собой не что иное, как рукав Волги. Вечером писатель и сопровождающие лица были уже в Царицыне.

Пребывание А. Дюма в Царицыне даёт повод писателю изложить историю «прославленного разбойника, бандита – Стеньки Разина». Затем пароход отправился вниз по Волге. Беглое упоминание о Царицыне содержится в главе «Саратов» в уже упоминаемой выше книге «В России».

В Астрахани писателю был оказан роскошный приём, ему были представлены народы, живущие здесь: армяне, татары, персы, калмыки в национальных костюмах. Дюма познакомился с бытом этих народов, их жилищами, обычаями.

Так завершилось путешествие писателя по Волге, которое запомнилось ему гостеприимством, хлебосольством и доброжелательностью русского народа [7].

В 1823 году наш край посетил известный русский писатель, автор знаменитого исторического романа «Ледяной дом» **Иван Иванович Лажечников**. Купеческий сын И. И. Лажечников, в недавнем прошлом боевой офицер, был участником похода русской армии, освободившей народы Европы от наполеоновских завоевателей. О событиях этих лет он написал книгу «Походные записи русского офицера», которую одобрительно приняли в просвещённых кругах Москвы и Петербурга.

Образованный и энергичный человек И. Лажечников был замечен в правительственных кругах, получив должность чиновника коллегии иностранных дел в Москве. Далее его послужной список был таков: директор Пензенских училищ, коллежский секретарь, визитёр училищ Саратовской губернии. Визитёр – это человек, который инспектировал учебные заведения по жалобам на лихоимство и произвол руководителей местных учебных заведений. Помимо проверки состояния дел в учебных заведениях Саратовской губернии, Лажечников проинспектировал состоя-

ние дел в Казанской губернии и попутно решил устроить ревизию в Камышине и Царицыне.

19 февраля 1823 года Лажечников прибыл в Камышин, обследовал местные учебные заведения и отправился в Царицын. Царицынское уездное училище оказалось значительнее Камышинского. Здесь было 3 класса, в которых занималось 27 учеников. В училище преподавали, помимо обычных для училищ того времени дисциплин, ещё российскую географию и отечественную историю. И хотя преподавание оставляло желать лучшего, Лажечников, понимая, как важна похвала, не поскупился на добрые слова в адрес учеников и преподавателей.

Лажечников значительно изменил порядок занятий в Царицынском училище, провёл некоторую реорганизацию классов. Реорганизации подверглась и Царицынская приходская школа. В приходской школе ему сообщили, что дети из солдатских семей нуждаются в материальной помощи, и содержатся они на пожертвования Сарептской колонии. Лажечников, выполнив неотложные дела, выразил желание побывать в Сарепте и познакомиться с его обитателями. Колонисты Сарепты славились разнообразными искусными ремёслами, отличались предприимчивостью, занимались культурным земледелием.

Лажечников одобрительно отметил в Сарепте *«поля, прекрасно обработанные»*, *«довольство и чистоту»*, *«строгую нравственность в семействах»*. Царицынское уездное училище содержалось в основном на средства Сарептского «братства».

И. И. Лажечников добросовестно и обстоятельно исполнил своё дело в Саратовской губернии, в том числе в Камышине и Царицыне. Его усердие, трезвые оценки и волевые решения были одобрены руководством. В знак доверия он получил повышение и в декабре 1823 года был назначен директором училищ Казанской губернии, самой крупной и значительной в Поволжье. А с начала 1826 года стал инспектором Казанского университета.

Однако поприще на ниве народного просвещения не стало

его судьбой. Лажечников уже весь был во власти литературного творчества, и в июне 1826 года он уволился из университета.

А спустя семь лет в книжных магазинах страны появился его исторический роман «Последний Новик», быстро ставший популярным у российских читателей.

Позднее писателем были написаны исторические романы «Басурман», «Немного лет назад», «Внучка панцирного боярина», стихотворная комедия «Опричник» [20].

Царицын в начале позапрошлого века был мало кому известным небольшим городком на Нижней Волге. Нечасто в Царицын той поры приезжали известные люди, редкими гостями были и люди высокого ранга. Но однажды в Царицыне появился видный русский поэт, близкий друг А. С. Пушкина князь **Пётр Андреевич Вяземский**.

В 1827 году Вяземский активно сотрудничал с журналом «Московский телеграф» и заметно влиял на его общественно-политическое направление. На страницах «Московского телеграфа» стали появляться памфлеты и стихи, обличавшие общественную и литературную деятельность близкого царскому двору литератора Ф. В. Булгарина.

Сатира «Московского телеграфа» вызывала неудовольствие и раздражение царедворцев. 19 августа 1827 года на Вяземского поступил донос в императорскую канцелярию. Вяземскому пришлось подать в отставку. Перед ним закрылись двери наиболее влиятельных правительственных учреждений. Пётр Андреевич благоразумно решил убраться на время с глаз своих могущественных недругов и избрал себе добровольную ссылку в глухую Пензенскую губернию. Здесь он прожил два года, занимаясь литературным творчеством, переписываясь с А. С. Пушкиным и другими друзьями-литераторами. Вяземский сдружился с местными меценатами, участвовал в местных общественных и хозяйственных делах и в этой связи часто ездил то в Пензу, то в Сара-

тов, в дальние и близкие имения.

В конце лета 1829 года Вяземскому выпала интересная дальняя поездка под Царицын в поместье, которое прежде принадлежало фавориту Екатерины II, астраханскому генерал-губернатору Николаю Афанасьевичу Бекетову – помещику, богаче которого в Нижнем Поволжье не было. Роскошь дворца, который возвёл Н. А. Бекетов на берегу Волги, затмить было нечем. О его великолепии было известно и в Москве, и в Петербурге.

Интерес у Петра Андреевича к царицынскому имению был особый. Дальний родственник Вяземского – известный русский баснописец и видный сановник Иван Иванович Дмитриев приходился племянником Н. А. Бекетову и как-то в юности гостил в дядюшкином имении под Царицыном. Н. А. Бекетов был бездетным, умер он в 1794 году, и его имение перешло к единственному родственнику и полноправному наследнику, статскому советнику Николаю Васильевичу Смирнову. Смирнов прослыл помещиком жестоким, не щадившим своих крестьян, которые даже обращались с жалобой на него к царю.

Было это давно. От наследников Смирнова имение досталось отставному майору Егору Павловичу Попову. И Петру Андреевичу Вяземскому интересно было посмотреть, в каком виде содержалось бекетовское имение на берегу Волги. Что осталось от него? Как живут крестьяне? Ведь когда он вернётся в Петербург, друзья непременно спросят: «А навестил ли ты бекетовскую усадьбу? Сохранилось ли её величие?».

В конце лета 1829 года Вяземский принял любезное приглашение хозяина усадьбы Егора Павловича Попова, и они с приятелем отправились в путь. В полдень въехали в Царицын. Вяземский с любопытством разглядывал городок, последней примечательностью которого было памятное ещё тут исходное сражение остатков крестьянских войск Пугачёва. Внешних следов того сражения уже нигде не было видно. Перед взором Петра Андреевича предстал типичный для того времени окраин-

ный российский городок, разделившийся на три части. На круче над Волгой стояла небольшая крепость, опоясанная земляным валом. Рядом к реке сбегали россыпью улочки и переулочки посадской части города, которая называлась Преображенской. Третья часть города простиралась за речкой Царицей, где жили ремесленники.

Егор Павлович Попов живо и красочно описал гостю достопримечательности Царицына, которыми явно гордился. Царицын в то время имел важное значение в Нижнем Поволжье. Город славился торговлей хлебом, скотом, фруктами, винами, рыбой, здесь дважды в год собирались шумные и богатые ярмарки.

Пока ехали по улочкам Царицына, Пётр Андреевич Вяземский не успевал голову поворачивать направо и налево, разглядывая всё то, что показывал ему Попов.

Царицын той поры был уже известен своими заводами и промыслами. По всей Европе славилась царицынская сарпинка, которую ткали немцы, жители расположенной неподалёку Сарепты.

Путники остановились в гостинице над Волгой. Пообедали в харчевне и поехали дальше. Теперь дорога тянулась вдоль высокого берега Волги. Перед сумерками въехали в Отраду, так называлось бывшее имение Н. А. Бекетова. За ужином Егор Павлович, хорошо знавший историю своего поместья, посвятил в неё и своего именитого гостя.

Назначенный в 1763 году астраханским губернатором Никита Бекетов облюбывал живописный уголок в двадцати верстах ниже Царицына и назвал этот уголок Отрадой. К колонии Сарепта, основанной ещё в 1766 году переселенцами из Богемии, Бекетов присоединил и слободу Хохловку.

Оставив по старости губернаторский пост, Никита Афанасьевич уединённо доживал в Отраде свой век. В 1794 году, незадолго до кончины, велел он поставить во имя своего святого покровителя преподобного Никиты церковь. Её освятили и одно-

временно отпели скончавшегося Н. А. Бекетова. Заметим к слову, что бекетовская Никитская церковь является действующей и по настоящее время.

Утром П. А. Вяземский осмотрел хозяйство в Отраде. Оно его приятно удивило: большой огород, три мельницы, лесопилка, птичники. Поэт погостил в Отраде недолго, не более суток. Всего лишь *«обедал в Отраде»* – так он написал своему другу И. И. Дмитриеву [21].

Мало кто знает, что **Лев Толстой** посетил наш город со своим братом Николаем в мае 1851 года, совершая поездку на Кавказ.

Для путешествия они выбрали тарантас и *«в сопровождении прислуги поехали из Казани на левый фланг вдоль реки Волги»*. Но езда на тарантасе путешественникам скоро наскучила, и в Саратове они приобрели большую лодку, сели в неё и *«предоставили себя течению реки, занимаясь чтением и любясь природой»*.

27 мая 1851 года Лев Толстой писал родственнице Г. А. Ергольской: *«До Астрахани мы плыли в маленькой лодке – это и поэтично и очаровательно; для меня всё было ново: и местность, и самый способ путешествия»*.

Между тем путешествие длилось уже три недели, и хотя подробного описания пребывания писателя в Царицыне нет, краеведы считают, что Толстой не мог проплыть мимо Царицына, не остановившись в нём. Необходимо было пополнить припасы, дать отдохнуть гребцам, а также Толстой не мог миновать наш город, не получив разрешения городничего на дальнейший путь до Астрахани. Это было общим правилом и его неукоснительно выполняли все, кто проплывал на своих судах мимо Царицына.

Кстати, и о пребывании Толстого в Саратове и Астрахани в его дневнике написано очень кратко, без описания каких-либо деталей и подробностей. В станице Старогладовской Толстой начал писать очерк *«Ещё день на Волге»*. И хотя Волга не находит

непосредственного отражения в произведениях писателя, но она незримо присутствует в «Казаках», «Севастопольских рассказах», «Войне и мире» как бы «за сценой»: в картинах природы, в изображении русского характера, стойкости русских людей.

Путешествие по Волге запомнилось Толстому на всю жизнь, и он не раз вспоминал его. В 1852 году Толстой в дневнике назвал волжские впечатления в числе «лучших дней», им пережитых.

7(20) ноября 1910 года Льва Николаевича Толстого не стало. И снова вокруг его имени произошли события, о которых стоит упомянуть. Адрес этих событий – город Царицын.

16 ноября 1910 года Царицынская городская Дума, прервав своё заседание, отправила по случаю кончины графа Л. Н. Толстого его семье сочувственную телеграмму с выражением *«глубокой скорби об утрате великого писателя»*. Узнав об этом, иеромонах Илиодор 24 ноября подал в городскую управу протест Совета Царицынского православного братства следующего содержания: *«... заслушав телеграмму Царицынской Думы от 16 ноября 1910 года семье графа Л. Н. Толстого, совет Царицынского православного братства Союза русского народа на своём собрании постановил выразить своё крайнее удивление по поводу этой телеграммы. Граф Лев Толстой никогда не озарял всего мира, а наоборот, последними произведениями миллионы людей сбил с правильного пути. Дума не понимает, что возбуждать языческие чувства из горделивости у близких так трагически окончившего и неуместно, и не по-христиански»*.

Только принципиальная позиция, занятая Городской Думой, Городской управой и полицмейстером, помогла оградить доброе имя великого русского писателя Льва Николаевича Толстого от нападок Илиодора и его окружения. А письмо, посланное с берегов Волги семье Толстого в дни скорби, принесло минуты утешения родственникам писателя и надежду на то, что и в Царицыне, также как и во многих других городах России, любят, помнят и ценят Льва Николаевича Толстого.

В Советском районе Волгограда улица и переулок носят имя Льва Толстого, а сотни волгоградцев в своих домашних библиотеках имеют произведения писателя, и с не меньшим интересом, чем сто с лишним лет назад, читают их [10;12].

Российский читатель начал знакомиться с творчеством украинского поэта **Тараса Григорьевича Шевченко** с поэмы «Кобзарь». Эта маленькая книжечка стоила её автору десяти лет царской ссылки и ещё столько же времени солдатской муштры в безводном суровом краю.

Бывал Тарас Шевченко и на наших волжских берегах. Удивительные описания он оставил в своём дневнике, возвращаясь из долгой каспийской ссылки в августе 1857 года на пароходе «Князь Пожарский». Тогда он с особой силой почувствовал величие Волги, красоту её берегов. В дневнике читателя поразит влюблённость только что обретшего желанную свободу поэта в красоту великой русской реки Волги: *«Берега Волги от Царицына до Дубовки с каждым часом делаются выше, живописнее, очаровательнее и привлекательнее. Но на дрожащей палубе парохода нет никакой возможности рисовать. Эту так поразившую моё художественное воображение «волжскую красоту» я «успел сделать» только однажды ночью, когда пароход грузился на Камышинской пристани»*. Рисовать берега матушки-Волги было давней задумкой художника-поэта. 27 августа 1857 года Тарас Шевченко в «Дневнике» писал: *«Ночи лунные, тихие, очаровательно-поэтические. Волга, как бесконечное зеркало, подёрнутая прозрачным туманом, мягко отражает в себе очаровательную бледную красавицу ночи и сонный обрывистый берег, уставленный группами тёмных деревьев. Восхитительная, сладко-успокоительная декорация!»*.

Сидя на палубе и отложив перо, Шевченко вспоминал вчерашний день и маленький уездный Царицын с шумным многоголосым базаром у городской пристани и дородных торговок со

своим нехитрым товаром – варёной картошкой и крупными спелыми помидорами.

И хотя поэт не оставил в своём дневнике записей о том, выходил ли он в Царицыне на берег, краеведы предполагают, что пока пароход «Князь Пожарский» стоял у пристани, Тарас Григорьевич вполне мог погулять по набережной и близлежащим царицынским улицам.

На шестые сутки плавания пароход покинул провинциальный Царицын и продолжал свой путь дальше.

Возвращаясь из ссылки, Шевченко встретил на Волге своего верного друга актёра Михаила Щепкина. Не выдержал тот, несмотря на строжайший жандармский запрет, помчался навстречу Тарасу Григорьевичу. А в Саратове поэт встретился с известным историком Н. И. Костомаровым и с нашим земляком писателем Д. Л. Мордовцевым.

Известное произведение – поэму «Марина» – Шевченко создавал недалеко от наших волжских низовий, на Каспии.

...Казалось бы, небольшой, незначительный штрих в истории нашего города – 27 августа 1857 года через Царицын проплыл Тарас Григорьевич Шевченко, великий украинский поэт, возвращаясь из ссылки. Для маленького уездного Царицына это было рядовым событием, но для Шевченко Царицын, как и другие волжские города, которые встречались на его пути во время путешествия, остался в памяти до конца жизни. Об этом событии он будет впоследствии неоднократно рассказывать своим друзьям и близким.

А нам, сегодняшним жителям города, о Т. Г. Шевченко напоминает улица в Кировском районе, носящая его имя [2;11;14].

...Ещё с детских лет **Владимир Гиляровский** испытывал интерес к путешествиям. В восемнадцать лет он сбежал из отцовского дома на Волгу, которая всегда манила его, и подался в бурлаки. Около десяти лет он скитался по России, поработав бур-

лаком, крючником (грузчиком), пожарным, провинциальным актёром... Как раз на этот период его жизни приходится несколько посещений нашего города, о которых, став уже известным русским и советским писателем, Владимир Алексеевич неоднократно вспоминал.

Впервые Царицын Гиляровский посетил весной 1874 года, когда плыл из Казани на товарно-пассажирском пароходе «Удалой» в каюте третьего класса до Астрахани. Но смог доплыть только до Царицына, где его давний знакомый казак Гаврило Руфич повлиял на дальнейшую судьбу Гиляровского.

Пока пароход загрузался, Гиляровский осмотрел Царицын. О нашем городе у него осталось мало впечатлений. Царицын встретил его солнцем, жарой, белой, мелкой, как мука, пылью, запахом рыбы, который, казалось, неискоренимо въелся в одежду и тело.

Позже в воспоминаниях «Мои скитания» Владимир Алексеевич писал: *«В Царицыне пароход грузится часов шесть. Я вышел на берег, поел у баб печёных яиц и жареной рыбы».*

А вот степи, окружавшие Царицын, его покорили. Вновь вернёмся к воспоминаниям Гиляровского: *«Иду по берегу вдоль каравана. На песке стоят три чудных лошади в понах, а четвертую сводят по сходням с баржи... И её поставили к этим. Так и горят их золотистые породистые головы на полуденном солнце. И повели из Царицына табуничики золотых персидских жеребцов в донские табуны».* В. Гиляровский, оставшись от степей задонских в восторге на всю жизнь, писал: *«Я надышаться не могу. В этом воздухе всё: свобода, творчество, счастье, призыв к жизни, размах души...».* Владимир Алексеевич на всю жизнь полюбил степь *«больше всего на свете, должно быть, дедовская кровь сказала».* Не меньше, чем задонские степи, любил Гиляровский и Волгу. Он писал:

*Волга! Близкое, родное
В этом имени таится,*

*Это слово дорогое
Заставляет сердце биться...*

Родственница писателя Е. Кисилёва, в распоряжении которой находится архив Гиляровского, замечает: *«...редкий год выпал, чтобы Волга не мелькнула из-под его пера стихом о ней, строкой в строфе, предложением в рассказе или очерке. Ни одна поездка к её берегам не проходила бесследно, да и писал он на Волге больше, чем в обычной домашней обстановке»* (Кисилёва, Е. Гиляровский на Волге. – Ярославль, 1962. – С.87).

Второй раз Гиляровский посетил Царицын летом 1876 года, возвращаясь с Кавказа *«прямо из зеленчукских степей, из-под шатров снеговых вершин на далёком горизонте»*. В Царицыне он с великой радостью увидел Волгу, вспомнил свою жизнь бурлацкую. *«Садясь в Царицыне, я билет почему-то взял до Саратова. Оказалось, что именно так и надо было взять»*, – писал он в своих воспоминаниях о пребывании в Царицыне.

С театральной деятельностью у Владимира Алексеевича связано ещё одно посещение нашего города. Летом 1883 года писатель совершил путешествие по Волге до Астрахани с театральной группой В. Н. Андреева. Гиляровский вспоминал: *«Всю Волгу я проехал со всеми удобствами пассажира первого класса...»*. В Царицыне и других поволжских городах Владимир Алексеевич в ту пору выполнял роль распорядителя, в обязанности которого входило выезжать раньше театра в следующий город, готовить на месте всё к спектаклю, печатать афиши. В тот же год Гиляровский закончил свою театральную карьеру. *«Никогда я не писал так азартно, как в это лето на пароходе. Из меня, простите за выражение, пёрли стихи»*, – вспоминал Владимир Алексеевич.

Зов Волги вошёл в сердце Гиляровского навсегда. Здесь же на пароходе им были созданы поэтические зарисовки о Стеньке Разине, вылившиеся потом в поэму и драму, написаны несколько стихотворений о любимой им Волге.

После этой поездки Гиляровский полностью посвятил свою

жизнь журналистике и литературной работе, которыми занимался до самой кончины (умер писатель 1 октября 1935 года).

...Последнее путешествие «дяди Гиляя» по Волге состоялось в августе 1904 года. Тогда он проехал по всем местам, где бывал ранее, посетив в том числе и Царицын. Здесь, на речных волжских просторах, рождались его задушевные строки. *«Часто, часто Волга была для меня истоком жизни, прозы и поэзии»*, – записывал Гиляровский в своём дневнике.

Отрадно, что и наш Царицын был источником вдохновения такого неординарного человека, каким был Владимир Алексеевич Гиляровский [8;16].

В Кировском районе Волгограда есть улица, названная именем русского писателя **Глеба Ивановича Успенского**. Надо сказать, что эта улица появилась на карте нашего города не случайно. Писатель побывал в нашем крае, о чём свидетельствует его очерк «Пока что», написанный во второй половине августа 1887 года, то есть во время путешествия Успенского через Царицын и Калач в Ростов-на-Дону.

...Ясным августовским днём 1887 года на дощатый помост одной из царицынских пристаней сошёл мужчина средних лет с большим фанерным чемоданом. Пассажир прибыл на одном из американских пароходов в каюте третьего класса. Купив газету «Волжско-Донской листок» с объявлениями, он узнал, что паром ходит до Ростова, куда ему необходимо было ехать дальше, ходит по вторникам и субботам. Был как раз вторник, и Успенский поспешил к стоящему рядом извозчику и приказал тому ехать на вокзал. Когда экипаж выезжал на Петровскую улицу (ныне улица им. В. И. Чуйкова), Успенский любопытствовал, сколько же возница возьмёт за проезд. Тот ответил, что недорого – всего два гривенника, и добавил, что его пассажир, видимо, никогда раньше не бывал в Царицыне. Успенский подтвердил, что он в городе впервые, хотя неоднократно бывал в Поволжье, а в Самарской

губернии жил довольно долго.

Словоохотливый извозчик рассказал пассажиру, что центр Царицына имеет путаную сеть улиц, которые в большинстве своём не освещены, а склон весь изрезан оврагами. Успенский вспомнил, что один из пассажиров, с которым он ехал в каюте, прочитал вслух всем присутствующим статью о Царицыне из «Спутника по Волге» 1884 года: *«Царицын по числу жителей превосходит все уездные города Поволжья. Тем не менее по своему наружному виду он мало походит на город. Это скорее большое село, к которому пристроилось несколько деревень. С какой стороны вы на него ни смотрите, он всегда представляется каким-то азиатским селением – громадным, но серым, бедным и, смотря по сезону, грязным и пыльным. Площади или улицы не мостятся; по ночам освещаются только некоторые из них, да и то так скудно, что обыватели до сих пор не бросили привычки ходить с фонарями в руках».*

Экипаж тем временем выехал на Соборную площадь, здесь дома были каменные, добротные, так же как и старый Успенский Собор (сейчас на этом месте стоит памятник лётчику В. Хользунову), возвышавшийся над Волгой. Проехав по Спасской улице, экипаж выехал на Астраханскую улицу (ныне улица Советская), на которой располагались мелкие торговые предприятия и лавки. Улица привела их к деревянному мосту, миновав который, они оказались в зацарицынской части города. Здесь дома были по большей части деревянные. Проехав по Камышинской улице несколько десятков метров, они свернули на Борисоглебскую улицу, затем Царевскую (ныне Пугачёвская), на которой располагался вокзал станции Волжская (находилась на улице Сердобской – ныне улица КИМ).

Дальнейшее путешествие на юг Успенский продолжил в вагоне пассажирского поезда №6 Волго-Донской железной дороги. В вагоне писатель ехал один и потому *«имел полную возможность предаваться всякого рода размышлениям».* В связи с этим

он напишет потом: *«Голая пустыня местности, кое-где только оживлённая небольшими хуторами и зелёными лоскутиками арбузных плантаций среди рыжих, выжженных солнцем полей, как нельзя лучше соответствовала течению мыслей... моих».*

В дороге Успенский читал газету «Волжско-Донской листок». Эта газета, как и многие провинциальные губернские «Листки», «Вестники» сообщала об убийствах, скандалах, о пожарах, ценах на товары и других городских новостях. Впечатления от газеты потом нашли отражение в очерке Успенского «Своим чередом», опубликованном в 1889 году.

...Так незаметно поезд прибыл в Калач. О своём приезде в город писатель напишет позже так: *«...Приплёлся я в Калач, место самое подходящее моему настроению: ни город, ни деревня, а так что-то не производящее никакого впечатления. Стоят на берегу домики, кое-как сколоченные, кое-как поставленные: то два рядом, то один против другого, то просто стоит один домишко, стоит там, где вздумалось. ...Словом, место никаких впечатлений не возбуждает и ни на какие размышления не наводит, напротив, даже успокаивает и освобождает от всяких впечатлений и размышлений».*

Так закончилось однодневное пребывание Глеба Ивановича Успенского в Царицыне и уезде, оставившее глубокий след в памяти писателя. А путешествие завершилось в Калаче, писатель до Ростова так и не доехал [9].

Алексей Пешков (будущий писатель **Алексей Максимович Горький**) осенью 1888 года прибыл на станцию Волжская г. Царицына и нанялся грузчиком и сторожем. Затем был переведён на станцию Крутая (ныне посёлок имени Горького, в просторечии – «Максимка»). Никто тогда не подозревал, что молодой человек, которого отличали недюжинная физическая сила и характерное волжское «оканье», станет большим русским писателем.

«На Крутую меня назначили весовщиком, но вешать там было нечего, и обязанность моя заключалась в проверке грузов... а главным делом моим была проверка бочек рыбы, которая шла с Волжской через Крутую на Поворино. Пока паровоз маневрировал, я бегал с платформы на платформу с накладными в руках, а ночью – ещё с фонарём у пояса, особенно неудобно было зимними ночами, в метель», – напишет позднее Горький в книге очерков «Из прошлого».

«Проверять грузы необходимо было особенно тщательно, т.к. поезда от Волжской шли медленно, и этим пользовалось удалое казачество – бочки сельди, севрюги, «бочата икры фокусно исчезали».

О посёлке, носящим ныне его имя, писатель вспоминал так: *«Почему-то мне кажется, что на Крутой всегда зимою и летом буйствовал ветер, а в тихие летние ночи людей истязали комары. Станция стояла «на пустом месте» – кроме станционных зданий, никаких жилищ вокруг её не было, и не было никаких людей, кроме служащих... И хотя в 12-ти верстах был богатый уездный город (Царицын) со множеством паровозных пристаней, с двумя вокзалами. Но по ночам я всё-таки чувствовал себя брошенным «к чёрту на кулички», в какую-то шумную бестолковщину...».*

Начальником станции был Захар Ефимович Басаргин. Служебную карьеру он начал стрелочником на станции Царицын. Это был недюжинный человек, талантливый русский «самородок», которыми может гордиться наша страна. Отношения Горького с Басаргиным начались с того, что тот отказался дать ему комнату в одном из станционных зданий. По должности весовщика он имел право на эту комнату, а Басаргин отправил его жить в казарму. А полагающаяся Горькому комната была заставлена горшками с цветами, которые начальник увлечённо разводил и лелеял.

Горький быстро познакомился со многими работниками станции, которые заметили глубокую начитанность нового ве-

совщика, его умение работать вызвали симпатию и у начальника станции Басаргина.

К весне 1889 года Горький на станции Крутая организовал «Кружок самообразования». Здесь читали произведения Льва Толстого, «Календарь народной воли», вели жаркие споры о только что прочитанных работах английского философа Спенсера, говорили о теории прогресса и роли личности в истории. Слух о кружке, в котором читалась запрещённая литература, дошёл до полиции. Из Калача в Крутую стали присылать шпионов, которые установили слежку. Положение Горького на Крутой ухудшилось, его стали травить, следить за каждым его шагом, и он решил уйти. З. Е. Басаргин утешал и уговаривал: «Терпи! Обойдётся!». Но Горький, сложив свои нехитрые пожитки и книги в котомку, отказался от бесплатного билета до Царицына и дождливым вечером пешком отправился со станции Крутая в Москву [6].

...На пристани царила обычная в таких случаях суета. Готовился к отплытию, направляясь по Волге, двухпалубный пароход «Дмитрий Донской». На пристань стали сходить пассажиры. Один из них выделялся из толпы бедно и просто одетых людей. Одет он был в серую, строгого английского покроя куртку. В руке он небрежно придерживал чёрную широкополую шляпу. На ногах – охотничьи ботфорты. Ветер шевелил его пышные каштановые волосы и чуть седоватую окладистую бороду.

К этому человеку подошёл небольшого роста господин и представился: *«Я сотрудник газеты «Царицынская мысль». А Вы (хочу лишь удостовериться!) писатель Короленко? Я помню Вас ещё с 1905 года, когда Вы издавали нашумевшую тогда «Полтавщину».*

«Ох уж эти газетчики!» – не мог скрыть удивления **Владимир Короленко**.

«И как они только пронюхали, понять не могу. Ведь я хотел приехать тихо, совсем незамеченным. Хотя уже два дня я нахо-

жусь в Царицынском уезде, ночуя в избах у мужиков». Тем не менее, газетчик не унимался: «Владимир Галактионович, читатели хотели бы знать, какова цель вашего приезда в Царицын?».

Интерес Короленко к царицынскому уезду был не случаен. Саратовский губернатор секретно доносил департаменту полиции: деревня продолжает бурлить, и если не принять никаких мер, то её ожидает новый бунт!

В год, когда Короленко посетил Царицын, а это был 1911 год, по уезду прокатился голод, не было хлеба на зиму, не было и посевного зерна. Корма отсутствовали. Скот пошёл под нож.

Всё это потрясло писателя. И он ответил журналисту: «*Люди гибнут с голоду! Вот о чём надобно писать!*».

Через пару дней Короленко отправился в обратный путь. Он пребывал в состоянии смутного беспокойства: ведь кто-то сообщил газете о его местонахождении. И вдруг вспомнил: на пристани промелькнул и быстро исчез полицейский мундир...

Перед глазами писателя пронеслась вся его жизнь.

...Ему было 23 года, когда по «величайшему повелению» его исключили из числа студентов Петровской академии и выдворили из Москвы как «государственного преступника». Это была его первая ссылка. Там-то и сроднился он с могучей красавицей Волгой, проникся историческими преданиями о великих бунтарях: Стеньке Разине и Емельяне Пугачёве.

А через три года, 1 марта 1881 года, народниками был убит Александр II. В ответ правительство потребовало привести к присяге новому царю всех политических ссыльных. Короленко подписывать присягу отказался. Тотчас же последовало наказание – арест и высылка в Восточную Сибирь, а затем поселение в якутской глухомани. Лишь спустя 10 лет ему было разрешено вернуться в европейскую часть России. Но негласное наблюдение за писателем с тех пор не было снято.

Когда в России случился неурожай 1891 года, Короленко находился в Нижегородской губернии. Некоторые газеты стали

обвинять крестьян «в пьяном разгуле и лени», отчего якобы и возник голод. Писатель ответил клеветникам книгой очерков «В голодный год», в которой назвал подлинные причины крестьянского разорения – живучесть крепостнических пережитков в стране.

И вот взорвался революцией 1905 год! Для усмирения народных волнений на Украине правительством спешно была создана карательная экспедиция, учинившая кровавую расправу над безоружными крестьянами... Вот тогда-то в газетах появилось открытое письмо Короленко «Полтавщина», наделавшее много шума среди прогрессивной молодёжи и студенчества. Короленко требовал немедленного суда над участниками карательной экспедиции. Видимо об этих громких событиях и упомянул репортёр, встретивший его на царицынской пристани. Короленко всё же дал интервью этому газетчику, которое было опубликовано в газете «Царицынская мысль» 19 августа 1911 года, имя репортёра, к сожалению, осталось неизвестным.

Позднее, в апреле 1912 года в этой же царицынской газете появился очерк В. Г. Короленко, навеянный впечатлениями последних голодных лет, под названием «Удар Господень». В этом очерке писатель предсказал, что нынешний голодный год не будет последним голодным годом...

Высказанные Короленко опасения удивительно перекликались с тем, о чём поведает в 1912 году «Царицынская мысль». Вот заголовки её публикаций: «Голод в Царицынском уезде», «Голодная весна 1912 года» и др.

...За год до поездки в Царицын Короленко признался в письме Максиму Горькому: *«Я вот живу в Полтаве (летом в деревне), и то часто ещё снится Волга».*

Снится Волга!.. Затаённое желание ещё раз побывать на её берегах тогда у писателя осуществилось. В последний раз [5].

...У помощника начальника жандармского управления в го-

роде Царицыне было много беспокойных дел. Начало нового XX века ознаменовалось для него рядом неприятных известий. Списки поднадзорных всё увеличивались, за каждым требовалось постоянное наблюдение.

Документы Волгоградского Госархива сохранили доказательства служебного усердия жандармских служаек, стремившихся добросовестно и тщательно регистрировать всех неблагонадёжных с правительственной точки зрения.

Так, в жандармских отчётах сохранились упоминания и о пребывании в Царицыне в 1901 и 1903 годах **Н. Г. Гарина-Михайловского**. В делах Госархива Волгоградской области зарегистрировано донесение начальнику Саратовского жандармского управления за 1901 год о прибытии в Царицын и выезде из него на лето поднадзорного Николая Георгиевича Михайловского (Гарина) и получение от начальника жандармского управления записки от 27 ноября 1903 года *«о выезде в город Царицын негласно поднадзорного инженера путей сообщения Николая Георгиевича Михайловского (Гарина)»*.

Так кто же он такой, этот «неблагонадёжный инженер», захавший в старый Царицын? Где и по какому поводу слышали мы эту фамилию?

Вспоминается одна из первых прочитанных каждым ребёнком в детстве книжек – «Детство Тёмы». Трогательный рассказ о дружбе мальчика с собачкой. И история спасения Тёмой Жучки, которая упала в глубокий заброшенный старый колодец, заставляла нас переживать до слёз вместе с героем этого рассказа. Да, это тот самый Гарин-Михайловский. А взрослые с неослабевающим интересом читали о дальнейшей жизни и судьбе повзрослевшего Тёмы – Артемия Карташева – в трилогии писателя – повестях «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры».

Итак, это был известный русский писатель Н. Г. Михайловский, печатавшийся под псевдонимом «Н. Гарин». Но неужели он и «поднадзорный» инженер-путеец одно и то же лицо?

Будущий писатель родился в 1852 году в Одессе. Сначала учился в своём родном городе, затем в Петербургском университете на юридическом факультете, и уже оттуда перешёл в институт путей сообщения. В строительстве железных дорог он нашёл своё призвание, и наша страна многим ему обязана. При его участии было построено много железных дорог. Кроме основной деятельности Гарин-Михайловский занимался еще и литературной – писал очерки и рассказы. По служебным делам он объездил всю Россию, совершил даже кругосветное путешествие. Очень полюбил Поволжье, с которым был связан особо крепкими нитями. В Самарской губернии находилось купленное им имение, где Гарин-Михайловский проводил сельскохозяйственные эксперименты. Кроме Самарской губернии он бывал и в соседних губерниях – Саратовской, Казанской, не мог он миновать и Царицын, который в конце XIX и начале XX века стал крупнейшим железнодорожным узлом Южной России.

Но почему же им так заинтересовались жандармы? В конце XIX века Гарин-Михайловский увлёкся идеями народничества, но затем порывает с этим движением и становится сторонником марксизма. Его привлекала активность учения К. Маркса. План Маркса по реорганизации мира восхищал его широтой и грандиозностью коллективной работы, освобождением рабочего класса от крепких пут классовой государственности. Он входит в кружок большевистского журнала «Вестник жизни», становится организатором одной из первых марксистских газет в России – «Самарский вестник». За эту деятельность Гарин-Михайловский и попал в поле зрения полиции.

«Гарин-Михайловский был разносторонне, по-русски даровит. У него всегда были в голове широкие проекты, и, пожалуй, чаще всего он говорил: «Надо бороться!» – так вспоминал о нём писатель М. Горький. А бороться Гарин-Михайловский собирался с обмелением Волги, с обилием оврагов в Нижнем Поволжье и вообще – бороться... [13].

В июле 1901 года в газете «Одесские новости» появился очерк «Царицынское пожарище».

Пожар случился на лесном складе, который затем перекинулся на город и взволновал всю Россию: настолько огромны были его масштабы. Корреспонденты всех мастей буквально наводнили Царицын. Побывал здесь и **А. И. Куприн**, работавший в ту пору в «Одесских новостях». Желание «влезть в самую гущу жизни» совпало с материальными трудностями писателя.

Очерк Куприна построен как беседа со случайным попутчиком, которому и принадлежат суждения о причинах и последствиях пожарища. Литературный талант Куприна позволил ему, не присутствовавшему при самом пожаре (сведения о нём он черпал из бесед с очевидцами и из статей в местных газетах), составить верное о нём представление и донести его до читателя.

Вот как описаны в очерке А. И. Куприна «Царицынское пожарище» впечатления об этом событии: *«Внизу, куда только хватает глаз, и влево, и вправо, весь берег сплошь завален брёвнами, досками, дровами. И только по огромности опустевшей площади можно судить о необычайных размерах пожара. Сгорело всё, до последней соринки, чёрная зола, покрывающая пространство между необозримую сетью рельсов, одна напоминает о том, что несколько дён тому назад здесь кипела работа и возвышались тысячи штабелей прекрасного леса...*

А на оставшихся не тронутыми огнём местах всё так же полагается на волю божью и так же беззаботно покуривает «цигарку» своей стихийный человек» [18].

Велимир Хлебников, чьё поэтическое имя было широко известно в России, прибыл в Царицын из Астрахани в мае 1916 года. Он был мобилизован рядовым в запасной полк царской армии. Если судить по воспоминаниям его однополчанина Г. Григорьева, полк был расквартирован в районе нынешних Красных

казарм.

Поэта страшно тяготила военная служба, он ненавидел войну, судя по его поэме «Война в мышеловке», которая была начата ещё в Астрахани, и над которой Хлебников продолжал работать и в Царицыне.

Насколько позволяла служба, поэт знакомился с городом. 25 мая 1916 года он выступил на вечере поэтов-футуристов. Газета *«Царицынский вестник»* за 1916 год опубликовала заметку об этом событии: *«Лекции футуристов продолжались до 12 часов ночи, и «офутурившаяся» публика, расходясь, недоумевала, куда она попала: или в храм науки и искусства, или в сумасшедший дом»*.

Во время пребывания в Царицыне Хлебников побывал на пароходных пристанях, в книжных магазинах, бакалейных лавках. Всюду в городе были развешаны плакаты, где аршинными буквами население Царицына призывалось подписываться на «Военный заём 1916 года «Победа».

Из местных газет, читаемых «ради интереса», поэт знакомился и с царицынской действительностью, и узнавал о введении продовольственных карточек на муку, сахар и крупы, о пожаре в гостинице «Люкс» (находилась на нынешней улице Гоголя) и т.д.

Как ни пыталось военное ведомство сделать из Хлебникова офицера, все попытки оказались тщетными. То поэт устраивает в Царицыне скандал в городском театре, то читает в своём полку недозволенные стихи, то козыряет бутылкой проходившему мимо французскому офицеру и прочее. Наконец Хлебникова переводят в Саратов, где его и отчисляют из армии.

Он возвращается к родным в Астрахань и целиком отдаётся литературному творчеству. Здесь рождаются его прекрасные поэтические строки о Волге, об Астраханском ханстве, о будущем края, который он назвал «Лебедией», «страной коней».

По свидетельству краеведа Н. Травушкина, Хлебников ещё

в 1913 году впервые употребил слово «Волгоград»: «Удивительный знаток языка, исследовавший глубинные возможности русской речи и находившей в ней новые звучания, поэт пророчески соединил Волгу с «градом» в «Проекте преобразования Астраханского края» [1].

Демьян Бедный – это литературный псевдоним пролетарского поэта **Ефима Алексеевича Придворова**. Впервые это имя прозвучало в 1911 году в большевистской газете «Звезда», где было опубликовано стихотворение «О Демьяне Бедном, мужике вредном».

Многих запугал Ефим Придворов своими баснями и сатирическими стихами, а на самом деле оказался ничуть не вредным. Некоторых даже осчастливил. Среди таких счастливиц оказались колхозники из сельхозартели имени Демьяна Бедного. Это было время, когда мелкие сельскохозяйственные артели, созданные в начале эпохи сплошной коллективизации, стали объединяться в крупные колхозы, чтобы работать более эффективно. На одном из собраний по объединению решено было дать укрупнённому колхозу имя Демьяна Бедного. Но необходимо было уладить некоторые формальности: испросить разрешения на это у самого поэта. Сразу после собрания колхозники отправили Д. Бедному телеграмму.

Демьян Бедный прислал колхозникам телеграмму с согласием и пометкой: «Весною обязательно навещу».

...На станции Филоново Сталинградской области в середине ноября 1930 года поэта тепло встретили руководители района и все члены колхозного правления во главе с председателем, «двадцатипяти тысячником», бывшим рабочим-металлистом Фёдором Зайцевым.

На встречу с поэтом в хутор Дёминский, где располагалась центральная усадьба колхоза, собрались жители близлежащих хуторов, входящих в артель. Был накрыт богатый стол, уставлен-

ный всяческими яствами. Ефим Алексеевич был растроган таким радушным приёмом. На следующий день знатного гостя возили по бригадам, показывая колхозное производство, жизнь и быт тружеников артели. Провожали писателя всем колхозом и попросили, чтобы он посодействовал селянам получить тракторы, прицепы и другой сельхозинвентарь. Со станции Филоново Демьян Бедный отправился не в Москву, а в Сталинград. Два дня он гостил у сталинградских тракторостроителей, был весьма доволен размахом строительства завода. А в начале 1931 года колхоз имени Демьяна Бедного получил 30 новеньких тракторов, только что сошедших с конвейера Сталинградского тракторного завода (СТЗ). Следом в колхоз были доставлены плуги, культиваторы, бороны, сеялки. Такое богатство техники повлияло не только на судьбу одного, отдельно взятого колхоза, но и на судьбу всего района. Подарок Демьяна Бедного стал ядром Дёминской Машино - Тракторной Станции (МТС). Слово, данное колхозникам, поэт сдержал. И долго ещё в народе говорили, что ничуть он не вредный этот Демьян Бедный [15].

...Наш город большой русский писатель **Константин Паустовский** увидел впервые майской весной 1931 года, когда он отправился на Каспий, задумав писать книгу о Кара-Бугазе. Писателю предоставили одноместную каюту на пароходе «1917 год». Почему у писателя возник замысел этого романа? Дело в том, что геологами в Кара-Бугазе были открыты залежи сульфата, и он захотел написать художественное произведение об этом событии. Писатель, по его признанию, «объехал все берега Каспийского моря» и в 1932 году создал повесть «Кара-Бугаз», которая имела громкий успех.

Паустовский вновь посетил наш город в 1948 году – самом начале строительства канала Волго-Дон. Он поселился в номере восстановленной гостиницы «Интурист», из окон которого были видны новостройки города. Но Паустовского влечёт к Волге, к

волжским рабочим-речникам. Он подолгу смотрит на Волгу, рядом причаливают пароходы, баржи с грузами проплывают мимо. Масса воздуха и чистота кругом.

Писателю понравился наш город, его залитая горячим асфальтом площадь Павших борцов, гуляющие по весенней, недавно отстроенной улице Мира люди, он радуется свежей зелени оживших после войны скверов. Город возрождается, растёт ввысь и вширь...

Рядом с новостройками остались старые военные землянки. Паустовский молча осматривает их, долго задумчиво стоит и смотрит на них, видимо, не отпускает его память минувшей войны... А ведь воевать писателю пришлось ещё в первую мировую – совсем молодым, двадцатилетним.

Летом 1951 года писатель ставит последнюю точку в рукописи романтической повести «Рождение моря», навеянной воспоминаниями от поездки в майский Сталинград на строительство канала. Эта повесть Паустовского увидела свет на страницах журнала «Знамя», а вскоре вышла отдельным изданием, разошедшимся мгновенно.

Ещё задолго до официального пуска канала повесть пришла к читателям, и они с большим интересом откликнулись на неё, причём многих из них Паустовский встречал на строительстве канала, в котлованах будущих водохранилищ, справедливо в народе названных морями, этих невыдуманных героев-созидателей Паустовский даже не смог вместить в одну книгу. Понадобилось выпустить ещё одну – под названием «От Волги к Дону», на этот раз строго очерковую и деловую.

Надо заметить, что недалеко от тех мест, где сооружался канал, воевал ученик Паустовского Юрий Васильевич Бондарев, который в 50-х годах XX столетия был студентом Литературного института, занимаясь на семинаре Паустовского.

Пройдёт совсем немного времени, и Паустовский откликнется в «Известиях» взволнованной статьёй на выход первого

романа Бондарева «Тишина», в котором он рассказал о возвращении фронтовиков в строй созидателей.

В повести «Рождение моря» Паустовский показал размах строительства на местах минувших жестоких боёв и мирный созидательный труд вчерашних солдат. Писатель как бы заглянул в завтрашний день, когда слились воды двух русских рек и через шлюзы канала и просторы рукотворного моря большие суда-красавцы приплыли в наш город [19].

Путь поэта **Евгения Долматовского** во фронтовой Сталинград был горестным путём отхода советских войск от Воронежа на восток к Дону и Волге. Воронеж тогда в шутку называли литературной столицей Юго-Западного фронта. В городе размещались редакции многих фронтовых газет, в которых работали известные писатели и поэты, в том числе А. Твардовский, А. Безыменский и Евгений Долматовский.

Многие из сотрудников этих изданий встретились на переправе через Дон во второй половине 1942 года. После двухсуточной задержки в Калаче Е. Долматовский пешком и на попутных машинах добрался до Сталинграда.

Позднее поэт вспоминал об этих днях: *«В Сталинграде находилась редакция газеты «Красная Армия». Мне было приказано к восемнадцати ноль-ноль написать стихотворение «Отстоим Сталинград!»*. Долматовский приказание выполнил в срок, и уже 19 июля стихотворение появилось в газете «Красная Армия». Через два дня Долматовский получает новое задание и пишет ещё одно стихотворение «Разговор Волги с Доном», в котором Дон, встав на защиту родной земли от иноземцев, призывает Волгу:

*Русских рек великих не оставим,
В бой отправим сыновей своих,
С двух сторон врагов проклятых сдавим
И раздавим их...*

Это стихотворение было выпущено сначала листовкой, а в

ноябре 1942 года напечатано в газете «Правда».

Пока фронт не пришёл в Сталинград, Долматовский постоянно бывал в войсках на дальних подступах к городу, создавая поэтическую хронику Сталинградской битвы. В очерках Долматовский писал о Гуле Королёвой, о подвиге бронейщика Петра Болото, о санинструкторе Марусе Кухарской, о пулемётчике Ханпаше Нурадилове, снайпере Максиме Пассаре. Приходилось поэту встречаться и с известными военачальниками полковником И. Якубовском, генералами П. Батовым, А. Родимцевым, В. Чуйковым. По заданию В. И. Чуйкова Долматовским была написана «Песня Сталинградской Победы», которая стала итоговым произведением поэта за время пребывания его в Сталинграде [17].

В творческой биографии **Александра Яшина**, русского поэта, сталинградские страницы занимают особое место. Будучи связанным дружескими отношениями со многими местными литераторами (в том числе с Михаилом Лукониным), А. Яшин неоднократно бывал в Сталинграде и в предвоенные, и в послевоенные годы. Но особым драматизмом и напряжением, глубоким общественным смыслом отмечены те дни, когда он вместе со сталинградцами оказался *«перед лицом большой беды»*.

Начало войны застало поэта на Балтике, первый военный год он трудился в газетах «Боевой залп» и «Красный балтийский флот», публиковал в них свои стихотворения.

Летом 1942 года А. Яшин был зачислен в штат Волжской военной флотилии на должность сначала инструктора Политотдела, позднее его назначили редактором газеты в бригаду, находившуюся в Сталинграде. Политотдел Волжской флотилии находился в Ульяновске. Отсюда, получив назначение, 10 августа 1942 года писатель на пароходе «Клим Ворошилов» отправился в Сталинград. Только 16 августа пароход прибыл в наш город. Следующие 4 дня Яшин устраивал свои дела, встречаясь с начальством и получая задания.

Массированный налёт фашистской авиации 23 августа 1942 года застал его в центре города в эпицентре бомбёжки, и он стал свидетелем уничтожения Сталинграда. А. Яшин об этом страшном событии писал: *«К ночи весь город объяло жуткое пламя. Ветер. Немец бомбил ровно через каждые 4 часа. После того, как весь город стал похож на вулканическую расплавленную лаву, думалось, что сейчас его оставят в покое. Нет, немец продолжал рвать этот огонь, бомбить берег, острова. На печальную косу острова была сброшена масса зажигалок. Они взрывались не сразу. Постепенно. Песок и тот горел... Смотрел на пламя, думал: если кто не сгорит, то задохнётся».*

А. Яшину разрешили заниматься «своим делом» – поэзией. Поэт встречается с краснофлотцами и офицерами Волжской военной флотилии, участвует в операциях волжского флота. Часто бывает он на канонерских лодках, почти ежедневно откликаясь на фронтовые события. В самом конце августа Яшин приступает к работе над «Сталинградской поэмой», которая была завершена 23 сентября и получила название «Город гнева».

Поэт читал своё произведение на плавбазе, на кораблях: *«Слушали с исключительным напряжением. Говорят – очень правдиво, словно мы всё заново увидели»*, – писал он.

Яшин постоянно совершенствовал поэму, переделывал отдельные фрагменты её. Наконец состоялось обсуждение поэмы «Город гнева» в редакции газеты Юго-Западного фронта «Сталинградское знамя». Выступающие отмечали, что Яшин *«вырос за время войны как хороший большой поэт. Поэма прочувствована. Печатать сейчас же, сдавать на вооружение Красной Армии»*. Редактор газеты «Сталинградское знамя» Марк Колосов поддержал поэта: *«Поэма дошла, дошла до души, особенно всё, пережитое городом»*.

Но поэма дорабатывалась Яшиным и после рекомендации её к изданию, он очень требовательно относился к этому произведению. *«Завтра ещё буду сидеть и править, может быть до-*

бавлю что-нибудь», – записал он в дневнике. 7 октября 1942 года А. Яшин повёз окончательный текст поэмы в редакцию «Сталинградской правды», которая находилась тогда в слободе Николаевской, напротив города Камышина. 13 октября главы из «Города гнева» начала печатать областная газета «Сталинградская правда», а 16 декабря – фронтовая газета «Сталинское знамя». Через некоторое время поэма вышла и отдельным изданием.

*Горели кварталы – писать не могу...
Пять суток свистело на берегу.
Но нет, это в наших сердцах горело.
Один элеватор сломить не могла
Проклятая сила.
Поутру, с рассветом,
Среди обгоревших домов и веток
Он проступал сквозь дым как скала
Как символ наших пятилеток.
Стоял и сверкал,
А кругом горит.
Стоял он, и страх ему был неведом.
Нас к ярости звал его гордый вид.
Поднимемся утром, кричим:
Стоит! Стоит!
И будет стоять до победы!*

Эти строки из поэмы подчёркивали веру автора в неизбежность победы наших солдат в битве на Волге.

Находясь в Сталинграде, А. Яшин написал около 70 стихотворений, текстов к нескольким песням.

Стихи поэта, родившиеся в горниле Сталинградской битвы, многообразны по тематике, по эмоциональному накалу чувств. Эхо Сталинграда ещё долго будет отражаться в поэзии Александра Яшина, озвучивая его лирику мирного времени, посвящённую великим волжским стройкам, прорываясь иногда голосом фронтовой памяти [3;4].

Литература

1. Барыкин, И. Хлебников в Царицыне / И. Барыкин // Отчий край. – 2001. – №2. – С. 232-233.
2. Бичехвост, Н. Шёл по Волге пароход...: [о пребывании в Царицыне Т. Г. Шевченко] / Н. Бичехвост // Волгоградская правда. – 1986. – 9 декабря. – С.4.
3. Борисов, В. Первая поэма о битве на Волге: [о поэме А. Яшина «Город гнева»] / В. Борисов // Отчий край. – 1999. – №3. – С.230-233.
4. Борисов, В. «Перед лицом большой беды»: [поэма А. Яшина «Город гнева», написанная по следам Сталинградской битвы] / В. Борисов // Отчий край. – 1995. – №3. – С.243-246.
5. Головкин, Г. Прибыл инкогнито: [о посещении нашего города писателем В. Г. Короленко] / Г. Головкин // Отчий край. – 2004. – №1. – С.233-235.
6. Гречухина, Ю. Бочата икры фокусно исчезали. 125 лет назад на станцию Волжскую города Царицына поступил работать Максим Горький / Ю. Гречухина // Волгоградская правда. – 2013. – 25 сентября. – С.5.
7. Кондольская, Т. Александр Дюма на Волге / Т. Кондольская // Отчий край. – 1997. – №2. – С.215-218.
8. Материкин, А. Гиляровский в Царицыне / А. Материкин // Вечерний Волгоград. – 1991. – 18 мая. – С.7.
9. Материкин, А. Глеб Успенский в нашем крае / А. Материкин // Отчий край. – 2002. – №3. – С.232-234.
10. Материкин, А. Письмо с берегов Волги: [о пребывании Льва Толстого с братом в Царицыне и Поволжье] / А. Материкин // Вечерний Волгоград. – 1988. – 10 сентября. – С.3.
11. Материкин, А. Тарас Шевченко и Царицын / А. Материкин // Вечерний Волгоград. – 1989. – 9 марта. – С.4.
12. Мухина, С. Лев Толстой в Царицыне и Дубовке / С. Мухина // МИГ. – 1995. – 20 ноября. – С.2.

13. Мухина, С. «Негласно поднадзорный инженер»: [Н. Г. Гарин-Михайловский в Царицыне] / С. Мухина // Вечерний Волгоград. – 1985. – 3 октября. – С.3.
14. Рыбникова, А. В семье вольной, новой: [о пребывании Т. Г. Шевченко на Нижней Волге и в Царицыне в августе 1857 года] / А. Рыбникова // Вечерний Волгоград. – 1982. – 10 марта. – С.4.
15. Смирнов, В. Демьян Бедный – мужик не вредный / В. Смирнов // Отчий край. – 2004. - №2. – С.235-237.
16. Смирнов, В. По следам дяди Гиляя: [о путешествии В. Гиляровского по Волге и посещении им Царицына] / В. Смирнов // Отчий край. – 2009. – №3. – С.176-186.
17. Смирнов, В. Поэтическая хроника Сталинградской битвы: [о посещении Сталинграда поэтом Е. Долматовским в дни Сталинградской битвы] / В. Смирнов // Отчий край. – 1997. – №1. – С.225-230.
18. Смирнов, В. Царицынское пожарище: письмо с Волги: [А. И. Куприн в Царицыне] / В. Смирнов // Отчий край. – 2014. – №3. – С.85-87.
19. Тарасова, А. Паустовский в Сталинграде / А. Тарасова // МИГ. – 1992. – 1 июля. – С.7.
20. Юдин, В. Визитёр Иван Лажечников / В. Юдин // Волгоградская правда. – 1989. – 21 мая. – С.5.
21. Юдин, В. Поездка в Отраду: [П. Вяземский в Царицыне] / В. Юдин // Волгоградская правда. – 1990. – 30 июля. – С.3.

400050, г. Волгоград,
ул. Рокоссовского, 48
E-mail: VODB@bk.ru
www.biblioteka-volgograd.ru
37-72-01
37-72-56